СЕКЦІЯ 1 ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ СОЦІОЛОГІЇ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПСЕВДОНАУКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМАРКАЦИИ НАУЧНОГО И НЕНАУЧНОГО ЗНАНИЯ

DEFINITION OF PSEUDOSCIENCE IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF DEMARCATION OF SCIENTIFIC AND NON-SCIENTIFIC KNOWLEDGE

У статті розглядається проблема демаркації науки та псевдонауки в контексті соціології й філософії науки з оглядом на соціальні та культурні фактори. Актуальність теми обумовлена недостатнім ступенем її розробленості в соціології на тлі сучасних тенденцій до підвищення популярності псевдонаукових теорій в суспільній свідомості. У статті критично розібрано основні підходи до демаркації науки та псевдонауки, детально розглянуто дві основні парадигми – класичну та релятивістську. Оглядом розглянуто також такі підходи до демаркації, як логіко-методологічний, культурно-міфологічний, психологічний і соціальний. Наголошено на тому, що методологічний поворот у науці, що відбувся в середині XX століття й полягав у переході до релятивістської парадигми, яка передбачала послаблення наукових стандартів і стирання кордонів між науковим і ненауковим знанням, сприяв укріпленню позицій псевдонауки: псевдонаука отримала змогу апелювати до проголошеної релятивістською тези про непізнаність світу. Показано, що популярні концепції Т. Куна та К. Поппера не дають адекватної відповіді на питання про демаркацію. Зроблено висновок, що підходи до демаркації можна поєднувати й запропоновано поєднання класичного підходу з логіко-методологічним соціальним підходом.

Розглянуто місце псевдонауки в ряду таких понять, як навколонукове й позанукове знання, антинаука, паранаука, квазінаука, лженаука. Зроблено висновок, що псевдонаука має 3 риси: протистойть науковим фактам, не відповідає критеріям науковості та має претензію на науковий статус. Загальний висновок полягає в тому, що наука не повинна відкидати базові критерії науковості, за допомогою яких можна критикувати псевдонаукові теорії, як хибні.

Ключові слова: демаркація науки, класичний підхід до демаркації, релятивізм, критерії науковості, псевдонаука, навколонукове знання.

The article deals with the problem of demarcation of science and pseudoscience in the context of the philosophy of science and taking into account social and cultural factors. The relevance of the topic is due to the insufficient degree of its elaboration in sociology against the background of modern trends towards an increase in the popularity of pseudoscientific theories in the public consciousness. Provides a critical overview of the main approaches to demarcation. The main two paradigms of demarcation of science and pseudoscience are considered in detail: classical and relativistic. It is noted that the methodological turn in science, which took place in the middle of the 20th century and consisted in the transition to the relativistic paradigm, which provided for the weakening of scientific standards and blurring the boundaries between scientific and unscientific knowledge, contributed to the strengthening of the position of pseudoscience. With such an approach to demarcation, criticism of pseudoscience from the side of science becomes much more difficult, because pseudoscience has received the opportunity to appeal to the thesis proclaimed by relativism about the unknowability of the world. It is shown that the popular concepts of T. Kuhn and Popper do not give an adequate answer to the question of demarcation. It is concluded that approaches to demarcation can be combined; a combination of the classical approach with the logical-methodological and social approach is proposed.

An attempt is made to consider the place of pseudoscience among such concepts as non-scientific and unscientific knowledge, anti-science, parascience, quasi-science. It is concluded that pseudoscience has 3 features: it is opposed to scientific facts, does not meet the criteria of scientific character and has a claim to scientific status. The general conclusion is that science should not reject the basic criteria of scientificity, with the help of which it is possible to criticize pseudoscientific theories as false.

Key words: demarcation of science, classic approach to demarcation, relativistic approach, scientific criteria, pseudoscience, unscientific knowledge.

УДК 316(075.8)
DOI <https://doi.org/10.32843/2663-5208.2020.15.1>

Катруха Е.В.
аспирант кафедри політичної
соціології
Харьковский национальный
университет имени В.Н. Каразина

Постановка проблемы. В современном обществе, как в Украине, так и за рубежом, широко распространены и наращивают популярность самые разные псевдонаучные учения и теории, причем за последние 30-50 лет ситуация в этом плане значительно ухудши-

лась. Произошла иррационализация общественного сознания, которую в более широком смысле можно рассматривать как архаизацию общества, откат мышления и сознания к домодерным формам. Бурный расцвет эзотерических, оккультных и других направлений

псевдонаучного знания берет начало со второй половины XX века, когда отмечается ускорение роста популярности иррациональных псевдонаучных учений в результате технического прогресса, когда возникает широкая сеть средств массовой информации, которые активно распространяют астрологию, нумерологию, экстрасенсорику, биоэнергетику, гомеопатию, парапсихологию и тому подобное. У этой иррационализации общественного сознания есть и особенно опасные проявления, такие как антивакцинаторское движение или ВИЧ-диссидентство; псевдонаучные теории провоцируют иррациональные страхи и заблуждения, которые буквально уносят человеческие жизни. При этом распространение псевдонауки не ограничивается культурой и массовым сознанием, но распространяется и в поле самой науки на самых высоких институциональных уровнях. В этом мы видим онтологический аспект проблемы, которая требует социологической рефлексии.

Гносеологический аспект проблемы состоит в недостаточной разработанности темы исследования псевдонауки в социологии, а кроме того, проблема демаркации науки и псевдонауки остается дискуссионной, не имеет относительно консенсусного решения. Также гносеологически важным затруднением является наличие в современной социальной науке (как отечественной, так и зарубежной) путаницы в классификации разных форм ненаучного знания. Как отмечает А. Конопкин, большинство классификаций не опираются на другие классификации и противоречат им [6, с. 39]. То есть, говоря о псевдонауке, разные исследователи подразумевают несколько разных круг теорий, учений, идей, методов. Автор статьи не берется претендовать на создание единственно правильной классификации и постановку окончательной точки в дискуссии о проведении демаркационной линии между наукой и ненаукой, но обращает внимание на необходимость систематизации и критического осмысления этих вопросов.

Постановка задания. Итак, цель статьи – сформулировать социологически применимое определение псевдонауки по результатам анализа проблемы демаркации науки и ненаучных форм знаний. Подробный разбор причин развития и конкретных проявлений псевдонауки не входит в задачи настоящей статьи, но обязательно будет осуществлен автором в дальнейших работах. Проблема заключается в том, что псевдонаука и другие околонукальные явления нередко обсуждаются не столько в научном, сколько в публицистическом ключе. Для адекватного научного анализа распространения феномена псевдонауки необходимо разобраться в вопросе разграничения научного и ненаучного и определить

псевдонауку, обозначив её место в ряду других синонимических понятий. В существующих материалах этот вопрос освещен прежде всего в рамках философии науки, в то время как автор настаивает на социологическом характере проблемы. Поэтому в критическом рассмотрении существующих подходов (прежде всего философских: обойти их автор, безусловно, не вправе) к демаркации науки и классификации ненаучного знания большое внимание будет уделяться потенциалу для эмпирического социологического исследования. Феномен распространения иррациональных псевдонаучных учений требует именно социологического внимания, поскольку выходит далеко за пределы внутринаучных «разборок»: псевдонаука, особенно эзотерика, стала частью современной культуры, укоренилась в общественном сознании, стала частью нашей повседневности. При этом псевдонаука порождается не только внутринаучными, но даже, прежде всего, социально-политическими и культурными факторами – переходом к неолиберализму, деградацией образования, трансформационными процессами. Нельзя игнорировать и то, что многие псевдонауки, осознанно или нет, легитимизируются украинским государством¹, что актуализирует исследование именно в рамках социологии. Наконец, псевдонаука требует социологического осмысления, поскольку она порождает социальные проблемы (страхи перед вакцинацией, обращение к альтернативной медицине – это опасные для общества явления). Но социологическому анализу должен предшествовать анализ философский, без которого нельзя адекватно отделить псевдонауку от других феноменов.

Изложение основного материала. Философия науки не дает однозначного ответа на вопрос о демаркации науки и ненаучного знания. Точнее, таковых ответов много и все они различаются в зависимости от выбранного парадигмального подхода. И если для позитивизма это вопрос довольно однозначный, то постпозитивисты предлагали очень разные варианты демаркации. П. Фейерабенд с позиций эпистемологического анархизма вообще призывал отказаться от проведения такой границы и приравнивал науку к мифологии, магии, религии. Отсутствие однозначного ответа (или хотя бы ответа, принимаемого большинством ученых) по этой проблеме в философии науки несколько затрудняет концептуализацию псевдонауки. С другой

¹ Автор ранее проводил контент-анализ государственных журналов «Голос України» и «Урядовий кур'єр», который показал, что такие псевдонаучные лексемы, как «астрология», «гороскопы», «экстрасенсы», «целительство» и другие употребляются почти исключительно в позитивной или нейтральной коннотации и почти никогда – в критической.

стороны, если мы говорим о псевдонауке, то необязательно нужно иметь строгую демаркационную линию, чтобы отсеивать многие конкретные псевдонаучные теории, которые не отвечают самым базовым критериям научности. Из того факта, что в философии науки существуют разногласия относительно точных критериев научности, не следует вывод об отсутствии маркеров псевдонаучности как таковых. Поэтому обозначенный вопрос о разграничительной линии между научным и ненаучным приводит к сложностям в оценке некоторых спорных теорий, которые очень близки к научным; в то же время, например, астрология, экстрасенсорика, нумерология, хиромантия или креационизм не отвечают критериям научности независимо от нашего подхода. Этот факт не лишает нас необходимости рассмотрения проблемы демаркации, но снимает с нас обязанность приведения исчерпывающих критериев, с помощью которых возможно проведение четкого водораздела между научным и ненаучным знанием. Вряд ли возможно сформулировать исчерпывающие критерии, которые позволят абсолютно любую теорию отнести к науке или псевдонауке: некоторые спорные теории могут иметь неоднозначный статус в дихотомии «наука – псевдонаука».

Тема демаркации науки и псевдонауки в постсоветских социальных науках разрабатывается такими авторами, как Г. Абелев, В. Бажанов, А. Внутских, М. Жбанов, А. Конопкин, Э. Кругляков, Н. Мартишина, Л. Медведев, В. Найдыш, Б. Пружинин, Салпагарова, М. Скоморохов, С. Степин, Л. Фесенкова и другие. Среди современных западных исследователей псевдонауки отметим, к примеру, П. Куртца, Д. Смита, Дж. Холтона, С. Хэнсона, а также философов науки, которые занимались разработкой критериев научности (среди них У. Джеймс, У. Куайн, Т. Кун, И. Лакатос, К. Поппер, Р. Рорти, М. Псимопулос, Т. Теочарис, П. Фейерабенд).

В философии науки разработано множество подходов к определению науки, её критериев и границ с ненаучными и околонучными формами знания, но большую часть из них можно свести к двум крупным противоборствующим парадигмам: классической и релятивистской (неклассической и постнеклассической). Именно этот эпистемологический и методологический поворот в науке в середине XX века, по мнению ряда исследователей, таких как Б. Пружинин [14, с. 119–120], Л. Салпагарова [15, с. 119], Э. Кругляков, способствовал укреплению и распространению псевдонауки: отход от **классической парадигмы** с однозначными критериями научности, опорой на рациональность и представление о возможности объективного познания реальности, в рамках которой псевдонаука

жестко отделялась от науки как заблуждения к **релятивистской парадигме**, постулирующей субъективность познания, ограниченность познавательных возможностей, зависимость полученного знания от установок исследователя, что способствовало стиранию границ между наукой и псевдонаукой и дало возможность псевдонауке легитимировать себя через апелляцию к принципиальной непознаваемости окружающего мира. Мы согласны с этой точкой зрения, но обе эти парадигмы нуждаются в более подробном рассмотрении, поскольку объединяют в себе довольно разные подходы при всем их сходстве на уровне общих эпистемологических установок.

Варианты демаркации научного и ненаучного знания не ограничиваются классическим и релятивистским подходами. Российские исследователи науки В. Бажанов и А. Конопкин в статье «О классификации подходов к определению псевдонауки: традиции и новации» (2012) [2] предприняли попытку классифицировать основные подходы к проблеме демаркации науки и псевдонауки и обозначили место псевдонауки в каждом из них. Есть и другие варианты классификации, но анализ научной литературы по теме показал, что именно на эту классификацию чаще всего ссылаются другие авторы, к тому же, это одна из самых подробных классификаций подходов к демаркации науки и псевдонауки, поэтому мы будем опираться на нее, но сосредоточимся не на ее пересказе, а на критическом рассмотрении каждого представленного в ней подхода.

1. Классический (стандартный) подход (Дж. Холтон, М. Жбанков, Г. Абелев, Н. Мартишина, Б. Пружинин и другие) берет начало в позитивизме и основан на прямом сопоставлении псевдонауки с наукой и предполагает поиск однозначного критерия демаркации. Наука рассматривается как идеал знания, а псевдонаука – как заблуждения, которые ему не соответствуют. Акцент ставится на критерии научности. Позитивизм предлагал монокритерии, речь шла прежде всего о верифицируемости. В постсоветской литературе распространен также поликритериальный подход с несколькими критериями псевдонауки: например, субъективистская теория познания, некритичность, эзотеричность, авторитарность (М. Жбанков [2, с. 178]). Л. Медведев отмечает, что псевдонаука иногда воспроизводит частные специфические черты научного знания, игнорируя более значимые; кроме того, псевдонаука отличается от науки по критериям критичности, достоверности, преэминентности знания и наличием элементов эзотеризма [2, с. 179]. Часто отмечается такой критерий, как воспроизводимость: псевдонаучные теории практически всегда невоспроизводимы.

В. Бажанов и А. Конопкин отмечают, что этот подход к определению псевдонауки является наиболее популярным, даже при всех сложностях с определением строгих критериев научности. В рамках такого подхода **псевдонаука** – это концепции-заблуждения, претендующие на научность, но не соответствующие ряду критериев научности. Сложность в том, что не всегда можно зафиксировать претензию на научность, по мнению авторов, это весьма условная характеристика и на практике мы не думаем о том, претендует ли теория на научность, называя её псевдонаучной. Более важно то, конфликтует ли теория с научными данными. Мы считаем, нужно учитывать, что претензию на научность адепты псевдонаук не всегда выдвигают эксплицитно, часто она выражается в мимикрии под научные тезаурус и методологию: жонглирование научными терминами, использование наукообразных методов – то, что Л. Фесенкова метко называет «сциентизацией эзотерики» [17]. Наконец, астрология или нумерология, к примеру, претендуют на научность на дискурсивном уровне, уже самим своим названием («логия» означает науку, знание, учение).

В. Бажанов и А. Конопкин отмечают, что с критериями научности тоже все неоднозначно: их применение довольно ограничено, они не стали универсальной демаркационной линией. Но, как мы уже отмечали, по многим конкретным критериям есть относительный консенсус, равно как и есть консенсус в отношении очень многих псевдонаук, таких как астрология, нумерология, креационизм, гомеопатия, уфология, лозоходство и другие [1]. Подчеркнем: несмотря на дискуссионность границ научного знания мы можем говорить о некотором консенсусном наборе признаков научности, несоответствие которым автоматически означает ненаучность учения или теории, а в случае наличия претензии на научность означает псевдонаучность теории или учения.

По мнению В. Бажанова и А. Конопкина, классический подход склонен к упрощению в своем стремлении к жесткому разделению химии и алхимии, астрономии и астрологии с отнесением алхимии и астрологии к мифологической картине мира, в то время как исторически эти учения были тесно переплетены и разделить их сложно. Этот тезис представляется нам крайне спорным. Вероятно, имеется в виду, что рационализация происходила не настолько линейно по схеме: от древности с верой в астрологию и алхимию и сугубо мифологизированным, тотально архаичным мышлением к новому времени с доминированием науки, «расколдовавшей» общество. Однако, с нашей точки зрения, сегодня мы с высоты достигнутого научного прогресса можем и должны четко разделять, к примеру,

астрономию и астрологию, потому что первая является строго научной дисциплиной, а вторую многие ученые справедливо называют образцовой псевдонаукой. Тот факт, что для своего времени астрология или алхимия не были архаичны и послужили своего рода толчком к развитию астрономии и химии, никак не отменяет того, что в настоящее время вера в эти учения не может быть описана никак иначе, кроме как сугубо иррациональная. В целом же, несмотря на критику классического подхода, его достоинством является четкая критическая позиция относительно псевдонауки.

2. Релятивистский подход в самом радикальном варианте выражен в эпистемологическом анархизме П. Фейерабенда, согласно учению которого науку и псевдонауку разграничить невозможно, поскольку наука не имеет когнитивных преимуществ над другими формами знания. Считается, что наука исторична и не более рациональна, чем миф, который не может быть опровергнут наукой. Есть более умеренное крыло – прагматисты Р. Рорти, У. Джеймс, У. Куайн и другие авторы, которые отказываются от поиска строгих критериев научности, но не ставят полностью знак равенства между наукой и мифом, религией, магией, околonaучными учениями, а также Т. Кун и К. Поппер. С нашей точки зрения, радикальный релятивизм П. Фейерабенда является контрпродуктивным как для науки, так и для культуры, поскольку стирает вообще все границы между наукой и не наукой, девальвируя науку и открывая возможность для укрепления псевдонаучных учений. П. Фейерабенд даже выступал за право обучения детей в школе магии, уравнивая её с физикой, и сокрушался из-за того, что детям безальтернативно навязывают гелиоцентрическую теорию [16, с. 19]. Понятно, что такой эпистемологический анархизм по принципу «всё сойдет» не то что бесперспективен для науки и осмысления псевдонауки, но и попросту вреден. Впрочем, релятивизм в такой крайней форме не настолько широко распространен в философии науки, поэтому, пожалуй, менее опасен. В этом смысле популярные и менее экстравагантные концепции Т. Куна и К. Поппера даже более показательны как образец релятивизма и не в меньшей степени дают возможность для самолегитимации псевдонауки. Так, Р. Гулд, сторонница концепции Т. Куна, пишет: «Вслед за Куном я утверждаю, что разница между наукой и паранаукой скорее количественная, чем качественная. Науку и паранауку следует рассматривать в исторической перспективе, пользуясь куновской концепцией парадигмы. Каждый псевдоученый – это ученый *in potentia*, а каждый увлеченный любитель – это профессионал, которому просто не хватает той подготовки, которая есть у нас» [3, с. 65]. К слову,

П. Куртц отмечает, что сторонники паранормального мировоззрения с одобрением цитируют Куна с целью добиться признания своих непроверяемых теорий [8, с. 65]. Сама идея Куна о том, что научное познание некумулятивно и научные парадигмы скачкообразно сменяют друг друга в результате научных революций, принижает статус нынешних научных теорий, которые мы принимаем лишь постольку, поскольку еще не найдена та аномалия, которая их опровергнет. Отсюда можно заключить, что нынешняя научная картина далеко не является незыблемой, следовательно, мы не можем с уверенностью отделять науку от псевдонауки.

Здесь возможен контраргумент о том, что нынешняя научная картина действительно не является незыблемой и что с нашей стороны было бы легкомысленным считать ее таковой. Да, это верно, но отсюда не следует, что любая псевдонаука потенциально может стать наукой. Это справедливо для теорий, который сейчас соответствуют основным критериям научности и не опровергнуты наукой, но не имеют под собой твердых научных доказательств. Например, теория струн или теория мультивселенной. Эти теории имеют неопределенный статус в науке: они однозначно научны, имеют некоторые подтверждения, но это лишь теории-гипотезы – возможные, но не доказанные объяснения того, что современная физика пока объяснить не может. В то же время гомеопатия никак не является наукой *in potentia*, потому что противоречит базовым законам физики и потому что существует огромное количество опытов, которые ее опровергают при отсутствии подтвержденных экспериментов в ее пользу². Подчеркнем, что мы ни в коем случае не утверждаем, что Т. Кун не проводит никакой разницы между наукой и псевдонаукой (в отличие от П. Фейерабенда), но его теория, наряду с теориями К. Поппера и И. Лакатоса, как отмечает Б. Пружинин, способствовала смене типа методологического осознания науки, который оказался непригодным для критики псевдонауки, более того, по сути, провозгласил отказ от такой критики [14, с. 120].

Теория фальсифицируемости К. Поппера, с нашей точки зрения, также является бесплодной в отношении проведения демаркационной линии между наукой и псевдонаукой, не только размывая границы научности, но и уводя их в сторону. И. Лакатос указывает на то, что, по К. Попперу, теория может быть научной, не опираясь на факты, и она может

быть псевдонаучной, имея массу подтверждений [9]. Теория является научной, если ученые заранее описали эксперимент, который ее опровергнет. Если же такой эксперимент не был придуман, то она автоматически становится ненаучной, независимо от количества фактов, которые ее подтверждают. Т. Теочарис и М. Псимопоулос показывают, что, согласно критерию фальсифицируемости, правильный тезис «Земля имеет приблизительно сферическую форму» является ненаучным, в то время как тезис «Земля плоская» – вполне научен, потому что фальсифицируем [2, с. 185]. И. Лакатос заключает, что суждение может стать и псевдонаучной догмой, и подлинным знанием в зависимости от того, готовы ли вы искать опровергающие его условия. Так что критерий фальсифицируемости, возможно, позволяет провести границу между научными и ненаучными методами, но не между наукой и псевдонаукой.

Релятивистский подход стоит на другом полюсе по отношению к классическому подходу. Если классический подход стремится провести жесткую границу между научным и ненаучным, то релятивизм отрицает эту границу вообще, либо предельно размывает ее.

3. Логико-методологический подход.

В рамках этого подхода признается многообразие научного метода, а поиск основ для демаркации осуществляется в методологии частных наук с учетом отсутствия единых критериев для демаркации, разнообразия идеалов научности и историчности научного метода. Строгая демаркация признается невозможной, что, однако, не останавливает ее сторонников (А. Кезин, Б. Пружинин) от попыток произвести более тонкие критерияльные разграничения [2, с. 177]. В сущности, логико-методологический подход дополняет и совершенствует классический подход, следует той же магистральной линии, согласно которой псевдонаука рассматривается в связке с наукой как явление, противостоящее науке, а не как параллельный феномен по отношению к ней.

4. Культурно-мифологический подход.

Анализ ненаучных форм знания, их сравнение с наукой. Псевдонаука – самостоятельная разновидность вненаучной культуры, форма мифа, массовой культуры (Н. Мартишина, И. Касавина, В. Найдыш) [2, с. 186]. Псевдонаука, самостоятельный тип вненаучной культуры, не должна сопоставляться с наукой, родственна мифу. Критерия истинности знания не существует. Этот подход близок к релятивистскому, потому что в нем тоже отрицается критерий истинности. Как и релятивистский подход, культурно-мифологический подход не позволяет нам дать какую-либо оценку в категориях «истинно» – «ложно».

² Отметим, что гомеопатия даже преподается в некоторых медицинских учебных заведениях как научная дисциплина, а гомеопатические лекарства продаются в любой аптеке по лицензии, что лишь подчеркивает актуальность исследования псевдонауки.

5. Психологический подход. Анализируется личность разработчика псевдонаучной теории, специфика знания уходит на второй план. Главное – особенности мышления, которые обуславливают появление псевдонауки. Сторонники: А. Дерксен, М. Полани. Сама теория при таком подходе не анализируется или просто описывается как ложная. Акцент делается на психологических чертах людей, воспроизводящих псевдонаучные теории. Псевдоученые рассматриваются как психически больные, одержимые бредом преследования и манией величия люди. М. Полани считал, что научный спор – это всегда спор личностей, а научный консенсус – критерий научности. По его мнению, именно личности ученых нужно исследовать в первую очередь [2, с. 188]. Конечно, это подход антисоциологичный и редукционистский. Как правильно отмечал Т. Сетл, наука характеризуется не личностями ученых, а рациональностью и критическим отношением [2, с. 189]. Нам представляется, что личности ученых рассматривать можно, но лишь как второстепенный фактор.

6. Социологический подход. Псевдонаука – явление, вызванное социальными предпосылками (Э. Кругляков, В. Гинзбург, В. Арнольд и другие). В. Бажанов и А. Конопкин называют этот подход социальным, но по своим принципам он вполне социологичен. Акцент здесь делается на предпосылках, которые не связаны с научным познанием, но вызывают распространение псевдонауки: недостаточный уровень образованности общества, увеличивающийся разрыв между наукой и образованием, коррупция, недобросовестная реклама, несовершенство законов и другое [2, с. 189]. Социологический подход представляется перспективным, особенно если сочетать его с классическим или логико-методологическим. Конечно, есть внутринаучные факторы распространения псевдонауки, но все равно это этот феномен имеет общественную обусловленность. Так, А. Мамзин заключает, что псевдонаука – это имманентная стратегия современной идеологии, вписанная в дискурс общества потребления, инкорпорированная в средства массовой коммуникации [10, с. 168]. В. Лекторский, говоря о распространении псевдонауки, подчеркивал, что деятельность псевдоученых намного прибыльнее, чем деятельность ученых в современной России [13]. Фактически, ими поднимается проблема коммерциализации современного общества потребления, где псевдонаука становится хорошо рекламируемым и продаваемым товаром. То есть, социальные факторы играют важнейшую роль в распространении псевдонауки.

В. Бажанов и А. Конопкин отмечают, что социологический подход поверхностен и игнорирует внутринаучные факторы, а тезис о низ-

ком уровне образования неверен, поскольку сейчас больше людей с высшим образованием, чем когда-либо. Возразим: сторонники этого подхода обычно сочетают внутринаучные факторы с социальными в объяснении псевдонауки. Э. Кругляков, например, пишет о том, что лженаука имеет философское обоснование в виде анархистских концепций постмодернизма, отрицающих существование объективной истины [7, с. 47]. Во-вторых, количественные показатели людей с высшим образованием не компенсируют снижения качества образования, его дефундаментализации. Образование, как и сама наука, коммодифицируется, вузы готовят в массе своей узкопрофильных специалистов, которые не имеют представления о принципах фундаментальной науки – следовательно, многие люди даже при наличии высшего образования не могут отличить псевдонауку от науки. Поэтому такой анализ не совсем корректно считать поверхностным, а социологический подход определенно имеет право на существование.

С нашей точки зрения, существующие подходы к проблеме демаркации науки, во-первых, взаимодополняемы, то есть уместно объединять логику двух-трех подходов для адекватного объяснения места псевдонауки по отношению к науке; во-вторых, они неравнозначны по своему масштабу. Психологический и социальный подходы трудно рассматривать как самостоятельные подходы к проблеме демаркации науки и псевдонауки, поскольку они сосредоточены, прежде всего, на объяснении причин возникновения псевдонауки, а не на проведении демаркационной линии. Тот же Э. Кругляков, с нашей точки зрения, является сторонником классического подхода именно в вопросе демаркации, рассматривая современные научные достижения как объективную истину и противопоставляя им псевдонаучные учения, которые конфликтуют с официальной наукой. То, что он происхождение псевдонауки связывает, прежде всего, с социальными факторами, лишь дополняет его взгляд на этот феномен. Мы считаем, что можно выделить 4 основных подхода к демаркации: классический и логико-методологический, с одной стороны, и релятивистский и культурно-мифологический, с другой. Наиболее продуктивным представляется рассмотрение псевдонауки следующим образом: выбираем логико-методологический подход к демаркации (можно связать с классическим подходом) и объединяем с социальным подходом, здраво объясняющим вненаучные причины возникновения псевдонауки. Релятивизм слишком размывает границы науки, прямо или косвенно уравнивает науку и псевдонауку. Стремление культурно-мифологического подхода рассматривать псевдонауку как

миф и идеологию, параллельную науке, противоречит реальным фактам, когда псевдонауки откровенно претендуют на профессиональный научный статус³, а кроме того, странно рассматривать учения или теории как параллельные науке, если они пытаются объяснить то, что объясняется наукой, заходят на ее поле.

Таким образом, мы критически рассмотрели основные подходы к демаркации науки и псевдонауки. Однако даже после этого формулировка определения псевдонауки остается не такой простой задачей. А. Конопкин подчеркивает, что гораздо легче привести конкретные примеры псевдонаук, чем дать определение, а некоторые авторы и вовсе отказываются от определения, мотивируя это сложностью задачи [6, с. 39]. Это обусловлено трудностью классификации огромного многообразия ненаучных теорий и учений, не все из которых можно назвать псевдонауками. Существует неопределенность в различении вненаучных и околонуучных форм знания, а также в различении ряда близких между собой понятий, таких как псевдонаука, лженаука, квазинаука, паранаука, антинаука, девиантная наука, альтернативная наука, «грязная наука», народная наука. Наличие терминологической путаницы нередко используется псевдоучеными для попытки обосновать научность своей теории [6, с. 39].

Несмотря на путаницу, есть вопрос, по которому существует относительный консенсус как среди отечественных ученых, так и среди западных. Он касается различия между non-scientific (вненаучный, то есть параллельный науке, не относящийся к ней) и unscientific (противостоящий науке). В русскоязычной традиции non-scientific определяется как «вненаучное», а unscientific – «околонуучное». К вненаучному мы относим религию, мифологию, художественную сферу, обыденное знание, то есть типы знания, не претендующие на научность. «Околонуучное» – понятие, подразумевающее конфликт с наукой, это совокупность ненаучных форм знания, претендующих на получение научного статуса (псевдонаука, лженаука, паранаука, антинаука) [6, с. 42]. И относительно этого ряда понятий в научной литературе как раз и существует путаница. Заключается она в том, что иногда антинаука, паранаука и квазинаука (К. Иванов [5]) используются как полные синонимы псевдонауки (лженауки), в то время как ряд исследователей склонен их разделять, рассматривая как разные типы околонуучного знания (В. Бажанов, А. Конопкин, Т. Подвор-

ный, В. Кувакин). В. Бажанов и А. Конопкин обращают внимание на факт повсеместного использования в научной литературе терминов «псевдонаука», «лженаука», «квазинаука» и «паранаука» как полностью синонимичных. Авторы считают, что, хотя этимологически эти термины равнозначны, поскольку приставки квази-, псевдо- и лже- с латинского и греческого переводятся практически одинаково, в то же время эпистемологически эти понятия не эквивалентны. По мнению авторов, лженаука и псевдонаука различаются постольку, поскольку различается ложное и неподлинное знание. Поэтому к лженауке более применимо определение ее как комплекса заблуждений, в то время как псевдонаука является скорее сомнительной областью знания, которая не может быть однозначно оценена. Однако такое разделение кажется нам умозрительным, на практике эти нюансы различать очень сложно.

Обратим внимание на классификацию В. Кувакина. По его мнению, понятия «квазинаука», «паранаука», «псевдонаука», «лженаука» очень близки между собой по смыслу, но имеют и различия. Под **квазинаукой** он предлагает понимать область такого знания, в котором в разной степени и пропорции содержатся ложные и, возможно, истинные утверждения и которое может содержать утверждения как фактуального, так и сфальсифицированного характера. **Паранаука** – те теории, которые в большей или меньшей степени отклоняются от стандартов науки и содержат в себе как существенно ошибочные, так и, возможно, истинные положения. Эти определения настолько похожи, что автор предлагает считать их синонимами [11, с. 138]. **Лженауку** автор определяет как теоретическую конструкцию, содержание которой, как удастся установить в ходе независимой научной экспертизы, не соответствует ни нормам научного знания, ни какой-либо области действительности, а ее предмет либо не существует в принципе, либо существенно сфальсифицирован. **Псевдонауку** автор рассматривает как синоним лженауки, поскольку они семантически близки («псевдо» с греческого означает «ложный», «мнимый»). Все 4 понятия объединяет то, что они противостоят нормальной науке как разные формы отклонений [11, с. 139]. Таким образом, автор не делает особого различения внутри пар псевдонаука – лженаука и паранаука – квазинаука, но различает эти пары синонимов как явно отклоняющиеся от науки теории (псевдонаука и лженаука) и теории скорее ошибочные, но необязательно категорически отклоняющиеся от научных критериев (квазинаука и паранаука).

Разграничить эти 4 понятия можно только на теоретическом уровне, но в результате получатся идеальные типы, а большинство

³ В России ежегодно проводятся астрологические конференции, в которых участвуют люди с научными степенями, и публикуются тезисы, по форме и содержанию претендующие на научность (см. пример [4]).

конкретных примеров все равно будет трудно отнести лишь к одному из этих терминов. В этом смысле нам близка позиция К. Иванова, который выделяет 3 типа антинаучного знания (паранаука, лженаука и жульничество), дает им определение, а затем отмечает, что различать эти типы можно только в случае ярких примеров, которые бывают редко, в остальных же случаях точная категоризация того или иного учения невозможна, и предлагает использовать их как синонимы. Поэтому «псевдонауку, как нам представляется, можно использовать для обозначения широкого ряда учений, отвечающих трем требованиям: **1) противоречие твердо установленным научным фактам; 2) наличие определенной претензии на научность**, (которая не обязательно должна быть буквально эксплицирована); **3) несоответствие основным научным критериям** (верифицируемость, воспроизводимость). Итак, **псевдонаучной является** теория, концепция, учение или методология, которая претендует на объяснение явлений, находящихся в сфере компетенции науки, не соответствует базовым научным критериям, а также использует наукообразную терминологию и/или позиционирует себя в качестве научной теории.

Также отметим, что псевдонаука не синонимична вненаучному знанию, это более широкое понятие, которое включает в себя все так или иначе отклоняющиеся от науки формы знания. И мы склонны не отождествлять псевдонауку и антинауку, вслед за Т. Подворным и рядом других авторов мы предлагаем понимать под последней широкий круг форм ненаучного знания, которые выдают себя за науку или претендуют на ее место (то есть квазинаука, лженаука, паранаука, псевдонаука, девиантная наука, «народная» наука – все это разновидности антинауки). Поэтому антинаука – несколько более широкое понятие, чем псевдонаука, хотя и очень близкое.

Выводы из проведенного исследования. Анализ проблемы демаркации науки и псевдонауки привел нас к выводу о том, что распространение псевдонауки связано не только с социально-культурными предпосылками, но и с процессами внутри науки и философии науки. Произошедшая смена методологического (само)осознания науки, выразившаяся в переходе от объективизма к релятивизму, размывании границ между научным и ненаучным, снижении стандартов научности, стала толчком к усилению позиций псевдо/квази/лже/паранаучных теорий. Это привело к потере наукой статуса единственно правильного способа постижения действительности и дало возможность псевдонаукам мимикрировать под науку, используя наукообразную терминологию, не опасаясь серьез-

ной критики со стороны науки, которая стала невозможной или по крайней мере перестала считаться необходимой в рамках доминирующего релятивистского подхода.

Сложившийся эпистемологический поворот в науке, с нашей точки зрения, обусловлен несколькими предпосылками: 1) отход науки от строгих критериев научности отчасти связан с объективным усложнением науки, ее попытками выйти на решение сложнейших вопросов, требующих усложнения методов и методологии науки; 2) наука испытала на себе влияние постмодернистского проекта в культуре, отрицающего объективность как таковую; 3) наука испытала негативные последствия распространения неолиберализма, в рамках которого поощряются прежде всего прикладные исследования и некоторые приносящие непосредственную прибыль на рынке отрасли науки, в то время как фундаментальные естественные науки оказались невостребованными и плохо финансируемыми, что привело к их ослаблению. Иными словами, сложившаяся в науке ситуация объясняется вполне объективными причинами. Вместе с тем главным теоретическим выводом нашей статьи мы считаем то, что наука должна избегать крайности релятивизма, не должна впадать в антиисследовательскую позицию лишь потому, что классические критерии научности перестали в полной мере соответствовать ее сложности и многообразию. В этом смысле логико-методологический подход к демаркации представляется адекватным компромиссным решением: не следует отказываться от базовых критериев научности, но стоит иметь в виду, что нынешний список критериев не исчерпывающий. Наука не должна быть консервативной и отрицать любую попытку выйти за рамки, но тем более она не должна оставлять открытой дверь для явных псевдонаук. И нас ни в коем случае не должен останавливать тот факт, что мы не можем провести кристально чистую границу между наукой и не наукой. Целью автора не является критика пограничных с наукой теорий, которые могут оказаться верными, мы настаиваем лишь на критике тех теорий, что однозначно находятся за этой границей.

Объемы статьи не позволяют здесь подробно обсуждать причины и факторы расцвета псевдонауки, но это определенно является перспективной темой для дальнейших исследований. Другим перспективным именно с социологической точки зрения является рассмотрение всплеска псевдонауки как симптома архаизации общественного сознания, как контрмодернизационную тенденцию. Обратим внимание на то, что социальный (социологический) подход не очень распространен и разработан, хотя и очень перспек-

тивен. В разработке этого подхода мы также усматриваем актуальное направление для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Science and Pseudo-Science [Электронный ресурс]. Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2008. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/pseudo-science/>.
2. Бажанов В.А. О классификации подходов к определению псевдонауки: традиции и новации [Электронный ресурс] / В.А. Бажанов, А.М. Конопкин. *Контекст*. 2012. №1. С. 174–191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-klassifikatsii-podhodov-k-opredeleniyu-psvedonauki-traditsii-novatsii>.
3. Гулд Р. Наука и псевдонаука. Антропологический форум. 2013. № 18. С. 59–70.
4. Астрология в XXI веке [Электронный ресурс] : девятая академическая конференция. 2019. URL: https://docs.google.com/file/d/1oj_u7L-6zdljleYzNN_b-Yp8XVLOnz1v/view.
5. Иванов К.П. Агрессивная лженаука [Электронный ресурс] / К.П. Иванов. *Вестник РАН*. 2002. № 1. С. 30–36. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/FALSE/FALSE0.HTM>.
6. Конопкин А.М. Особенности структурирования околонуточного знания / А.М. Конопкин. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2009. № 3. С. 39–47.
7. Кругляков Э.П. Ученые с большой дороги-3 [Электронный ресурс] / Э.П. Кругляков; Комис. по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. Москва : Наука, 2009. 357 с. ISBN 978-5-02-037043-2 (в пер.). URL: <http://www.klex.ru/9rf>.
8. Куртц П. Искушение потусторонним / П. Куртц / пер. с англ. Москва : Академический Проект, 1999. 601 с. ISBN 5-8291-0029-0.
9. Лакатос И. Наука и псевдонаука. Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г.
10. Мамзин А.С. История и философия науки / под ред. А.С. Мамзина. Санкт-Петербург, 2008. 304 с.
11. Матецкая А.В. Псевдонаука и псевдорелигия в современном обществе / А.В. Матецкая. Изд-во ВлГУ. 2014. С. 327.
12. Подворный Т.В. Феномен антинаучного знания и его разновидности в современной культуре / Т.В. Подворный. URL: <https://goo.su/1rj2>.
13. Псевдонаучное знание в современном мире. Материалы «круглого стола». *Вопросы философии*, № 6. 2001. URL: <https://vunivere.ru/work50544?screenshots=1>.
14. Пружинин Б.И. Псевдонаука сегодня / Б.И. Пружинин. *Вестник Российской академии наук*. 2005. № 2. С. 117–125.
15. Салпагарова Л.А. Самоопределение современной науки: проблема демаркации и её социальный смысл / Л.А. Салпагарова. *Манускрипт*. 2019. № 8. С. 117–121.
16. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. Москва : Хранитель, 2007. 413 с.
17. Фесенкова Л.И. Сциентизация эзотерики и псевдонаука / Л.И. Фесенкова. *Социологические исследования*. 2004. № 2. С. 92–98.